

Алексей Летуновский

Нас обезвожила мерзкая стужа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Летуновский

Нас обезвожила мерзкая стужа

«Автор»

2026

Летуновский А.

Нас обезвожила мерзкая стужа / А. Летуновский — «Автор»,
2026

Сборник поэтического в пяти главках. От воодушевленности
и самолюбования до тщетности рефлексии, от нелюбви до нелюбви, и все это
в вечности уральских городов Ч и Ё с апострофом.

© Летуновский А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Летуновский

Нас обезвожила мерзкая стужа

Пролог

Сколько имен, всех не разберу.

Сколько палет, а ты одна на всю ночную смену.

*И только тот поэт реален, по-английски — тру,
который рифмует, держа в руке член, завернутый в газету.*

Мы ведь как работники местного супермаркета в блестящих от бирюзового неба жилетах.
Застряли в бескрайней пустоши.

А огромный каменный дирижабль в иссиня-сером казался на горизонте умелой бижутерией цивилизации, мы принимали его осанистый многоэтажный стан за уютный мираж какое-то время.

И когда его тупая тень поглотила наши голодные, истощенные тела, мы не почувствовали облегчения от прохлады. Нет.

Нас обезвожила мерзкая стужа.

Из случайных квартир на нас плевались морды, требующие уважения к их рождению в вышине. На нас капали слезы родственников, ожидавших поддержки и сочувствия. В этом дожде то и дело мы ощущали редкие опилки мечты о чем-то значимом, существенном чем-то. И становилось холодно. А потом дирижабль рухнул на нас.

Или я изначально под ним был один.

Глава 12-15

Вообще,

лучше всего представить начало Вселенной как рассвет:
вот оно — небо проясняется и светлеет с каждой минутой.

А закат Вселенной, её кончина — это то обычное, что любезно звучит «вечерело». Вечерело! Ха!

Тогда перерождение Вселенной есть темнота
и легкие бирюзовые проблески северного сияния,
будто молнией бьет где-то вдалеке, под алмазами.

Только тихо бьет,

настолько тихо,

что аж дышать в полете становится трудно.

Каждый раз, когда она прилетает к кормушке на моем балконе. Каждый раз,
в одно определенное время. Каждый раз,
когда она прилетает, я даю зерна и надеваю маску с оловянным клювом
и общаюсь.

Иногда вижу в её глазах ответный блеск.

Она чистит свои перья, сразу после трапезы. Сытной, как она сама отмечает
довольным писком.

Видит, должно быть, во мне гордого,

серого стрижа.

Зовет летать под волнистым лучистым пением. А я

ей вру,
что крыло сломал. Вру,
что затаился под бетонной лестницей. Вру,
что подобрали меня и сейчас держат в коробке с дырами и подстилкой из старых газет.
А она верит.
Хочет так, наверное.
Наверное, всё дело в зерне.

Казалось бы, что в вашей жизни может быть не так? Ли дышать вам становится нечем, и вы задыхаетесь, чувствуя чужое присутствие. Чужие взгляды, чужие, рядом парящие мысли. Это мы. Мы наступаем на ваши пятки, пробираемся, цепляясь за колени и соски, хватаем вас за горло своими пыльными от глупостей прутьями пальцев и душим вас так, что уши ваши краснеют и греются. Мы крадем ваш воздух. Воздухокрады мы. Задаем вам вопросы, спрашиваясь о делах насущных, и ждем, когда вы солжете. А затем забираемся на ваш участок в пару соток, топчем пространство и нарушаем всё ваше серьезное. А вы? Вы только можете нас выгнать, чтобы сделать свои иллюзии уютными и похожими на то, в чем есть хоть какой-то смысл.

-пособия-

И зачем ты босиком на утренней росе? Я согласен, твои оголенные ступни прекрасны: и кожа на них, костяшки и пальцы готовы быть идеальным пособием и примером для всех прекрасных женских ступней. Но стоять босиком на мокрой холодной траве? Что скажешь? Что не видела неба? Вот оно, сверху, смотри, запрокинь голову и попытайся её не сломить. И ведь небо так далеко, потому что оно всегда с нами рядом. Говори, сколько говорится: не улетишь. Проси и оправдывайся, не выйдет подняться.

Подпалила ты, птичка, свои крылья, сидя на трехметровых скамьях с воронами и прикладываясь к горячим батареям своей спинкой и крыльями. Посмотри на небо. Обидно? Не обидней, чем остаться без обуви летом. И вообще, потерпи. Скоро небо приедет за нами. Осталось немного. И ты улетишь. Наверное.

Был, вроде, октябрь.
Парили сизые качурки
над бритой щекой Балтийской косы.
Спой, Точечка, песню.
О том, как ты видишь тот славный октябрь
под номером «вроде».
Спой, Точечка, песню.
О том, что ты знаешь.
Ты знаешь что,
верю,
истошно грызу
твои мысли морские,
словно вымытый хмель
иль, позволь-ка, октябрь.
Прибрежны руины,
мусор-рифм в песке,
обожаю,
кричу:

«Ты ведь, Точечка, слышишь?»,
«Ты слышишь меня?».
Я уверен,
не жадно
и не между страничек
не прочитаю стихи,
но всё же
влюблюсь.

Ты стоишь под елью в бездушном лесу. Чувствуется, как облака движутся по небу. Точнее, я чувствую, как ты наблюдаешь за их неспешным, как бы осмысленным полетом. А они, жуки такие, растворяются в никакое ничто. И ты хочешь так же. Не желаешь тешить свое одиночество лишним присутствием, не желаешь быть чьей-то. А потом стараешься убежать и запутаться в ветках этого... обычного леса, не приукрашенного умелым красноречием и легкомыслием. Стараешься раствориться в воздухе, чтобы быть везде, каждой частичкой всего, и чтобы не быть ни с кем рядом. И знаешь, я тоже бегу и смотрю на эти желтые сухие еловые иголки под ногами, и считаю, что отлично сегодня на них выплусь.

-пятое сочинение-

а)

А потом, помнишь? Бежала ты по сугробам как могла (не могла), будто бы бежала по волнам янтарного моря (увядала, а потом сыпалась песком в снежную пену).

Этот зимний лес — преграда перед катастрофой понедельника наших дней. Ты и её должна была помнить. У тебя всё еще была такая вещь, как память.

б)

Одиозный мозг, инфантильно-меркантильный характер. Многие скажут: «Не хлопай дверью, стоя у подоконника!».

(Правильно скажут, дверьми у подоконников хлопать нельзя.)

в)

Если честно, мне показалось, что это когда-нибудь может случиться. Будто бы это уже случилось (только глупо, как с расширенными зрачками).

Обняв себя руками, ты просила всё переиграть, а я противился. Да и смысл. Нету смысла. Да и тогда не было смысла.

г)

Воспоминания

(словно сентиментальная песня по радиоприемнику в четверг ночью после четверга дня).
Стен.

(отблеск на ладони из белого песчаника в лиловых огнях многоэтажек).

Уходи

(уходи и не оглядывайся),

на балконах никто не стоит и не курит, и от некурящего, нестоящего на балконе никого не тает снег, не тает.

Так что прощай, прощай

(моя любимая Точечка).

И

д)

— Дай пять!

— Бу-бу-бу, я не ожидала.

О, когда полнолуние освещает мокрый ночной асфальт, и отражение на нем, да вкупе с темной прохладой, обволакивающей бегущий силуэт, потому что ночью — только силуэт, они все рапортуют телепатически о надвигающемся подъезде. В подъезде на сегодня стоит последний по расписанию лифт, какая станция, двери уже закрываются.

О, тогда глотаю последнее дыхание, только так могу остановить тень старых мыслей. И приходится, как герою, ворваться в проржавевшие двери, наспех вспомнив код на круглых стальных... И проскочить пролет до лифта, и прыгнуть в расщелину, и не успеть, и шею ломит, и зажимает, и.

Лифт начинает подниматься. В шее боль лишь усиливается.

Это так называется ощущение после нашей встречи. Такое выборное. Такое решающее. Как софиты в глаза. Как перфоратор в пыльном помещении брошенного завода.

И всё равно.

Теперь не зря так.

Будто на широкой, расписанной блеклым площадью развалился рояль, и клавиши рассыпались.

А мы смотрели с крыши Арбитражного суда и воображали, что это просто бутерброды. Скорее всего, просто не собирались расслабляться.

И это всё копится, копится и копится, собирается в единый ком, унылый, грязный, скучный, в котором всё перемешивается и утрамбовывается, забываясь.

Глава 10-12

-в саду-

Одни лишь роли на слуху в саду,
как будто кто-то безязыко корчит рожи день за днем:

не спит ночами, дремлет,
обновляя смысл бытия
и дел погорлных,
какими славен чудный сад.

Стоит,
зеленый, величавый.

Играют песни у ребят
на ветвях ивы перепряной.

А я стою близ огоньков,
в перроне, в чаду и в промокших ботах.

И жду тебя одну,
покачиваясь, жду.

А ты идешь, покачиваясь,
вдруг взлетаешь
и наблюдаешь свысока холодный дождь,

какой на неба чердаке сидит и наблюдает,
как бессловесно ноги, три-четыре,
ты вновь и вновь перебираешь.
И в пух,
и в самый громкий прах
кончаются забытые всем лица.
И дождь вчерашний будто снова снится:
он шел в саду, сад радовал его
и раздавал гостинцы.
Вот – краснощекие синицы,
вот – ива пряная,
не вздумай е й напиться!
А дождь напился.
Спрятался в чердак.
Теперь его ты наблюдаешь,
как он, закованный в цепях,
всё льет и льет на брови мне.
Шаткому, да у перрона.
Дождусь,
вдруг ты расскажешь,
как ива уходила в небеса,
а, возвращаясь, клич пускала.
На всю страну,
на месяц май,
усталый, серый, опоздавший.
На те дела, какие никогда не сделать.
Какими вдруг раскинулся Янтарь
и умер впопыхах, в поту и при луне,
качаясь
и без того зевая.

Отправил -в саду- в ЖЖ и выключил компьютер, было за полночь. А следующим утром, уже по привычке, первым делом, еще не почистив глаза, открыл блог: комментариев не появилось. День обещал быть достаточно грустным, так что я сразу расстроился и решил провести его безработным. Сходил в Дикси за двушкой Пепси и за сдобным печеньем с абрикосовым джемом, таким колючим, как будто со стекловатой внутри, эта колючесть отлично гармонировала с терпким вкусом газировки. Сидел, закусывал, запивал и листал альбомы с мемами в МДК, всего в этом паблике было несколько десятков альбомов, так что времяпрепровождение должно было выдаться плотным. Через несколько его часов только ожидаемо стало пухнуть тело, мешковато оседали бока, ныло за ребрами, осадки сладкой жизни давали знать о себе. И приторной горечью скрежетало в моем разочаровании в жизни и творчестве.

Поэтому я решил вновь зайти в ЖЖ и проверить комментарии, и, о чудо, один действительно появился, от друга U., мы с ним не настолько часто общались, и встреча была неожиданной.

«Ну ты гений!» – написал он, удивительно на его тон не похоже. Обычно U. был более сдержанным, вдумчивым, почти никогда не использовал восклицания, не бросался громкими ярлыками. Вздурораженный, я стал перечитывать свои ранние стихи, потом перешел в блог друга. Писал он про кино и около него, а его нежное влюбленное отношение к классическому,

во многом авторскому, заслуженному кинематографу гармонично сочеталось с самыми бытовыми впечатлениями.

Последние посты он делал о Вендерсе. Я как-то смотрел у немца Небо над Берлином и заснул. А U. писал, что каждый раз убеждается, насколько это «его» режиссер, атмосфера бессмысленных, но затягивающих городских прогулок в первых фильмах, ей проникаешься. Однажды он выложил пост с цитатой Миядзаки: «К черту логику», я же совершенно без отсылки писал у себя «Серьезность — чепуха». Он отметил в комментариях, что у нас сегодня прям родственные фразы. И моя ему тоже нравится.

А в другой день уже у него в комментариях мы философствовали о том, что лучшая смерть — это смерть при просмотре любимого кино. И сошлись, что умереть лучше всего при просмотре 8½, нашем общем любимом кино.

-прыг-скок-

Я прыгаю. Прыгает моя нога, и моя вторая нога прыгает в ответ. Прыгает тело, рука и другая моя рука прыгают. Я на батуте возле забора, смотрю за него прыгающими глазами и в прыжке пытаюсь рассмотреть тамошнюю зеленую траву и какой-то заплесневелый несвежий пруд с разодранной упаковкой пластиковой, дрейфующей на поверхности. Кажется, раньше это была сырная булка. Надоело.

-мирок-

Пройдемте в прихожую.

Разувайтесь за порогом: пол чист. Можете, конечно, ходить в ботах, если вам так удобно, но, возможно, я вас проучу: не нужно хамства. Ну или, скорее, стесненно попрошу вытереть подошву о коврик — красный, синий, зеленый, черный — махровый, плетеный — с рисунком, без — порванный, нет.

А теперь сигайте в тапки. Вот они — махровые, жесткие, опять же разноцветные.

А можете ходить в носках.

Босиком я вас не пущу.

Приглашаю посмотреть направо, там зеркало — овал, квадрат, треугольник, пролопение. Вот эта наклейка сверху — собачка, кошечка, машинка, черепок — с жвачкой досталась, куплена 12 лет назад.

Наклейка? И правда, от неё только след остался, почерневший от пыли, с катышками.

След? Хм, да, соглашусь, это всего лишь блик от лампочки, а может, и луна из окна торчит, хотя, возможно, это отражается блеск ваших красивых глаз. Не обращайтесь внимания.

Если я вас провожу дальше, то сам запутаюсь и вас запутаю. Вы уже по прихожей поняли, что мир у нас разный. Уверен, что в воскресенье посету вас, если чего не случится, если сам себе не запрещу или не забуду, или... Здесь кто-то есть?

Листик

берешь, отрываешь разглядывать.

Листик

зеленый, осенний, обманутый.

Как сон или явь никогда не разгаданы.

Так и ты

под луной или солнцем

бежишь.

Приходи на неё посмотреть,
у тебя ведь давление сто двадцать
на что-то там снизу здоровое,
безотказное, умное больно.
Приходи на неё посмотреть,
обросла она, яблонька, хмелем
и в отчаянье сбросила слетье
яблок, налитых забвеньем

Под небом Карфагена
весной, в проклятый шторм
корабль капитана
в ночной залив ушел.
Хлестал там дождь по щекам,
и ветер мял глаза,
а капитан высокий
молчал, как сирота.
По палубе бросал
его чертячий шторм,
а он разулся взглядом
и видел слепо дом.
В нем окон свет был сладким
смоковницы плодом.
Жена пекла оладки
и плакала о нем.
И капитан отважный,
завидев свет разлуки,
вцепился коготями
в кораблевые руки.
И шторм его пинал,
и шторм его кусал,
а он всё не хотел
свои глаза закрыть.
Волна чернее Янтаря
хлестнула подле моряка
и сбила с ног, и с рук его,
и забрала с собою.
Погаснул свет в его очах,
и меркнула надежда.
И что Янтарь не заблестит,
он понял: грезилось всё прежде.
Тогда он с греками сражался,
на царской службе был.
Тогда он сильно облажался,
сбежал, войска за ним.
И дезертирову жену забили,
и больше нет ни дома, ни вина.
Нет воздуха в морской пучине,

и он закрыл глаза.
И темнота, и темнота,
и ныла где-то глубина.
И в толще этой глубины
услышал он: «Дождись утра».

Прошло 4 года, я переехал в другой город, в ЖЖ практически не выходил и ничего в нем не читал. У. сам мало писал, иногда выкладывал подборки постеров за разные периоды, визуальное подтверждение любви. Мы уже были в друзьях в ВК, я даже не помнил, как до этого дошло. Но зато в один из промозглых дней ранней весны увидел обновление на его странице. Он жил в том же городе, в котором я оказался.

Через несколько вечеров, здорово подружившись с жатецким гусем под Безумного Пьеро, я написал У. с предложением встретиться. Он откликнулся и сказал, что будет свободен через пару дней.

Но утро перед встречей затягивала полиэтиленовая пленка стыда. Я проспал и, в спешке позвонив впервые на номер, которым он поделился в переписке, извинялся. Его голос на той стороне был мягким и теплым, почти инжирным, но в то же время он был достаточно строг и даже решил отказываться от встречи, но я расхлябанным ребяческим «Да ладно тебе» вторгнулся в его приличие.

На вид он действительно оказался приличным, таким интеллигентным, стройным, осанистым армянином, голубая выглаженная кофта, брюки, пахнет приятно. Я же на встречу пришел в сальной толстовке, зеленой, выцветшей от солнца, с похмельным лицом и взъерошенными волосами, умытыми весенней моросью.

Решили пройтись по скверу около метро, и разговор сразу не заладился, какое-то стеснение и нелепость наступали на пятки, чуть не потерял кеды.

Я выводывал, чем У. занимался, но он не особо распространялся, скорее отстранялся, и было видно по его лицу с глубокими черными глазами и аккуратной щетиной, что он хотел как можно скорее закончить эту прогулку. Видимой досадой взгляда он был похож на Гвидо, который стоял на его аватарке в ЖЖ долгие годы.

Я расстраивался, что не получилось с утра опохмелиться, и считал, что вся моя неразговорчивость и редкие опухшие выражения из-за того, что не догнал ночное состояние, не поправился, не пришел в себя. И было всё не так, как надо.

У. осторожно рассказывал, что уже съездил в пару европейских стран, начал с Барселоны, потом поездил по Италии. И я этого хотел, и удивлялся, откуда у него деньги, а он слишком бытово ответил, что вовлечен в семейный бизнес. Как же на тот момент хотелось отвлечься от вечного русского шовинизма, не сопоставлять национальность и семейный бизнес, но в голове то и дело проскальзывала подчеркнутая обида на богатых армян, которую всем детям преподают с малых лет. И я решил, что нужно, прямо необходимо поправиться, чтобы прогнать эти мысли. Позвал У. в ближайший магазин, но он стал отказываться, а затем добавил, что их бизнес завязан на алкоголе. Я в шутку признался, что очень даже дружу с алкоголем, У. усмехнулся и закивал головой, выпуская воздух меж сжатых зубов.

Потом, рассказав ему о своей судьбе, о том, что у меня ничего не получилось в родном городе, о том, что я бросил учебу, что меня бросила любовь всей тогдашней жизни, о том, что я приехал практически наголо сюда, я подумал сменить разговор в сторону кино, даже начал про Годара. Но к этому моменту извилистая дорожка сквера уже подвела нас к выходу, и У., будто почувствовав свежесть улицы, не зажатой низкими деревьями, сказал, что я свою жизнь веду не туда. Что не стоит таким образом жить, что алкоголь не друг, да и он, собственно, тоже.

Оправдываться не было особо возможно, поэтому я тупо замолчал, ощущая ржавую боль в шее и голове, тонкой струйкой сочащуюся с похмельного сегодня. Мы распрощались, и больше я не пытался с ним связаться.

-приятного аппетита-
Смысла нет.
Отдачи нет.
Макароны на обед.

Вдали шумит горизонт:
в пене звезды. Гимны и ахи.
В ресторане гордо плывет
паренек в белой рубаше.

На груди его греется имя,
в руке жадно шепчет поднос.
«Вот, пожалуйста, вам, дорогие,
Я покушать котлеты принес».

Дорогие же в гимны и ахи,
«Ах, как вкусно, аж скинул года».
Улыбается парень в рубаше,
официант в путешествье всегда.

-постоянство-
На растерзание тебе
твой бред в башке на блюдечке положен.
И не поверишь ты судьбе,
и новый год никак не сложен.
Ты будешь верить и мечтать,
ты будешь вырывать страницы.
В обиде мелом рисовать,
и мел в руке будет крошиться.
Ты будешь вспоминать, ругать
себя за свои гадства.
Но разве важно вспоминать?
Нужно сорваться с постоянства.

Белые, уходящие вдаль корабли.

d.-j. прокомментировала: «Вернутся еще»

Ответил ей: «Нет»

d.-j.: «Значит, другие приплывут :)»

Ответил: «А вот это вполне возможно, только вряд ли белые»

d.-j.: «Много прекрасных цветов»

Художник умер,
а картины сожжены.
В его желтеющем доме.
Второго февраля зимы.

Череда злоключений в холодном уральском городе, в городе красивом настолько, насколько и нелепом, абстракционистски сложенным, эта череда нас с У. столкнула пару лет спустя. Тогда я уже жил на квартире новой любви и по-ерофеевски рассчитывал время до открытия магазинов. Рассчитал и, выйдя из дома, стал размышлять, какой будет комфортнее посетить, в каком из магазинов еще не столько свежа память о моем похмельном корчащемся от утреннего солнца лице. Солнце в то утро действительно выедало глаза, поэтому я думал сторониться теньков. Узкая улица утопала в майской зелени, пахло сладко, весна часто так пахла, то ли мусорки начинали преть от тепла, то ли цветение жизни рассказывало сказки. Я решил зайти в алкомаркет со звучным названием «5 звезд», стоящим через дорогу от ЗАГСа. Прошел частный детский сад и «Цветы 24», скрыл взгляд от ментов, пересекавших пешеходный переход. Добрался без происшествий.

В «5 звезд» ходил я редко только оттого, что приходилось высматривать вручную написанные ценники на бутылках, а они стояли далеко, и из-за плохого зрения надо было общаться с продавцами. А за прилавками всегда стояли неприветливые армяне.

Стеклянные витрины окружали центральный зал магазина, а посреди были навалены коробки. Было темновато, как внутри одной из таких коробок. Я пробрался боком и стал думать, что бы подобрать такого лечебного, такого нужного к сегодняшнему маю. Думал над рябиновой, но, чтобы сильно сладко не было, стоило взять в компанию 250 не самой вкусной водки. Постояв и всё обдумав, я встретился взглядом с У., он подошел со стороны кассы и опустил глаза, тихо спросив, что мне надо. Я также тихо, даже как-то по-домашнему, благо был в сланцах, озвучил планы на сегодня. Он пробил две бутылки, сложил покупку в бесплатный полупрозрачный пакет, принял наличку.

Хотелось по-настоящему поприветствовать его, не по-магазинному, а так, как нужно приветствовать хорошего знакомого, с которым переписывался несколько лет, обсуждал кино, менялся цитатами, с которым решил, какая смерть будет самой приемлемой и приятной.

Но меня пододвинул мужик, грубо отвесив что-то вроде: «Ну ты всё, или чё?»

«Или чё» — по-уральски ответил я и пошел к выходу.

Пробравшись через коробки, я обернулся и посмотрел на У., он принимал оплату за бархатное и даже не смотрел в мою сторону. Хорошо это, показалось, зачем обращать внимание, к чему ненужная мелодрама.

Я вышел на улицу, скучно названную в честь советских революционеров, и продолжил тонуть в своей пьяной молодости.

-улыбки-
Улыбок нет.
Автобус бытия,
где неженки хоронят шрамы от бритья,
идет до гастронома,
а там зефир пекут:
и днем, и ночью сладкий запах
от кислой непутевой жизни.
«И где ж улыбки-та?!» — спросила варщица.
Улыбок нет,

но если все слова посолишь желтым
и в окончанье вставишь ер,
тогда по морю по пустому
спасешься в лодке
от насущных дел.

-увечья-
Три дня простыло — стыдно сжег страницы,
как будто в танке на пути к границе.
Какие бы ни рифмы — чуть что пристрелят.
Что ни пиши — ты не Есенин.
Накопилась, сплюнул. Горечь поджелудная.
Человечный нелюдь, и слова беспутные.

Треугольники,
а потом нет.

Сожаленья соки
капают на проржавевшее стекло.
А снаружи — облака,

и самолет плывет от одного к другому.
Глава 13-16

А ты читаешь свои строчки
и в ностальгии таешь на пол,
и помнишь: падали листочки,
когда влюбленной был собакой.

Обожаю тебя целовать.
А потом посвящать тебе стихи.
Под грустным небом яблоко жрать.
Обожаю тебя я так тихо и слышно.

Вот ты какая.
Такая, как обычная, такая.
На всех похожая.
На них же злая.
И без причины душу вымогая.
На голове все клоки вырывая.
Будь рядом, тихо засыпая.

В твоих глазах я прочитал: «Не возвращайся никогда».
И на дрожащем выдохе ответил: «Постараюсь».
Тогда ты переспросила: «Чё, бля?»

Ты меня убивал два года.
Я терпела все пытки твои.
Если б знала, что такое свобода,
в крови бы было больше крови.

Не хочу я недосоленных завтраков,
и рожать я не стану детей!
Пусть иссохнут от слез твои паблики.
Если что, загугли номер блядей.

В мире много партий прекрасных,
моя прическа ромашек полна.
Буду жить, не хочу твоих басен.
Официант, повтори-ка вина!

Тревожная кнопка вдавлена с треском.
Тишина общежития, в дальней — рыдающий дед.
Рядом с тобою больше не раздеться.
Сцедила, отрезала, отфильтровала, крепости нет.

Что ж, должен поклон — твой план удался,
напоила тревогой салагу.
В ночи, без рубашки, съежилась вся.
Принимай тыщу строф за отвагу!

На тебе слово! На тебе два!
Отрываю от глупого сердца.
Нас уже не спасти. Если будешь жива,
я не дам тебе, суке, согреться.

В твоём пальто ночевала ласточка.
А утром окошко разбилось ей вслед.
Мое пребывание тебе уж до лампочки;
за поворотом перрон, в руке сжат билет.

Даже Солнце и ярче уже, и теплей.
Канавы сугробы вдруг жаждут топить.
Воздух пахнет весной, ей видней.
А я корю Солнце: зачем же мне жить?

Зачем эти яркие сны и откуда
стонет в горле гнилом аппетит?
Рассмеялося Солнце: «Ты, лучше, подумай,
отчего эта птица всё над тобою кружит».

На Сельмаше мы пили водку,
целовались рассадой речей.
Ты любила, как идиотка.
Я предлагал агидель.

Шатаясь под куполом ЖЭКа,
мечтали о новозеландском вине.
Прости, что не так кончилось лето.
Прости, что бомжую теперь.

Ни дня не сидится без рифмы!
Зубы стонут от снега с песком.
В нем найдут меня зверски убитым,
выдыхающим твой любимый псалом.

Здравствуйте, откройте, пожалуйста, двери,
мне слишком необходимо участие в канители.
Нет, я не наркоман, я лишь разношу листовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.